Неделя, 1986, апр. № 16

«Я в ответе за всю державу»

Расул ГАМЗАТОВ:

С 8 по 12 апреля в Москве проходили Дни дагестанской литературы. Мы обратились к председателю правления Союза писателей Дагестана, Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР, народному поэту Дагестана Расулу Гамзатовичу ГАМЗАТОВУ с просьбой поделиться своими размышлениями о сегодняшнем дне дагестанской литературы, о делах писательских.

...Когда я думаю о судьбе моей земли и моего народа, еще семьдесят лет назад жившего в бесправии, оторванного от большого мира и большой культуры, когда я вспоминаю, что в те сумрачные времена Дагестан был провинцией России, что наша культура и наша литература за пределами Страны гор была знакома лишь небольшой горстке людей, которых можно пересчитать по пальцам, что сокровища нашей поэзии передавались из уст в уста, потому что ее творцы не знали грамоты,— так вот, когда я думаю об этом прошлом и затем сравниваю его с настоящим, сердце мое переполняет гордость.

...Когда я сознаю, что за последние шесть десятилетий мой народ дал миру своего Гомера — Сулеймана Стальского, крупного сатирика Гамзата Цадасу, замечательного прозаика и переводчика Эффенди Капиева, чьи имена носят у нас театры, научные институты, улицы, у чьих памятников всегда лежат живые цветы,

когда я вижу, что маленький Дагестан обрел кровную связь с мировой культурой, что на языках его народов звучат стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Блока, Руставели и дети горцев несут в своих ранцах их книги, что наши зрители с восторгом принимают трагедии Шекспира и драмы Островского,

когда я узнаю, что балеты и оперы наших композиторов идут в Москве, Ленинграде, Софии,

когда я беру в руки романы и поэтические сборники аварцев, ногайцев, лезгинов, даргинцев, изданные на множестве языков у нас в СССР и за рубежом,— я говорю себе с радостью: да, огромные творческие силы таятся в твоих недрах, Дагестан, если стал возможным такой расцвет культуры всех твоих народов!

И паспорт этому содружеству муз, навсегда утвердившемуся на дагестанской земле, дал Октябрь, дала наша страна. Теперь для горца родина начинается не столько с аула, как сказал бы он в старые времена, сколько, говоря словами Маяковского, с Кремля.

С такими чувствами ехали мы в Москву, этой радостью мы делились с друзьями на встречах в Звездном городке, в Союзе писателей СССР, в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, в совхозе «Победный», на вечере в Центральном Доме литераторов.

Для нас это было не очередное мероприятие по протоколу с заранее запланированными аплодисментами, не сухой бухгалтерский отчет с дебетом и кредитом. Для нас это большой праздник души.

Его могло бы омрачить только одно — снисходительное отношение, какое бывает к ребятишкам. Нам не нужны высокопарные слова, риторика и патетика, мы не ждем, чтобы нас добродушно похлопали по плечу, чтобы сделали скидку на молодость нашей литературы, на национальный колорит и горскую экзотику. Нам необходим откровенный и даже строгий разговор, мы хотим той требовательности, какой достойны взрослые. Дагестанская литература ее заслужила. Снова повторю то, что когда-то говорил: «Я в ответе за всю державу». Только тот — писатель, кто всей душой болеет за страну, кто берет на себя ответственность за нее, на каком бы языке он ни писал. По этим меркам нас и судите.

Мы не станем стыдливо опускать глаза долу, потому что у нас есть основания для праздничного настроения. Я оглядываюсь в прошлое. Тридцать пять лет назад сколько нас всего было в Дагестанском союзе писателей? Четырнадцать человек, горсточка! А теперь нас сто четыре! Какой из коренных народов Дагестана ни возьми — все они имеют здесь своих полномочных представителей. Тогда в год выходили единичные книжки — сейчас общий тираж в несколько раз превышает население всей республики. Разве нас знали хорошо в России и за ее пределами? А нынче — посмотрите в нашем музее литературную карту Дагестана — сколько нас печатают по Союзу и в самых разных странах! Самобытные образы, рожденные горскими народами, восприняты во всем мире.

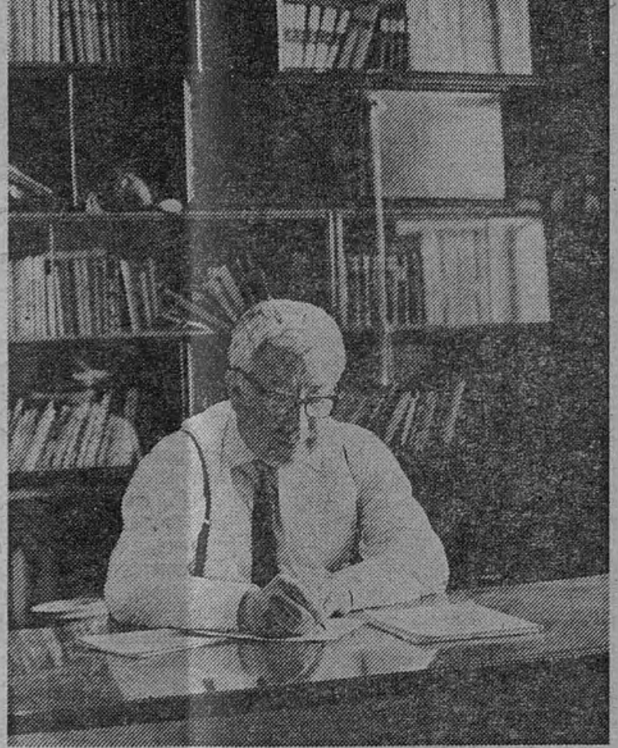
Десять секций у нашей организации: все жанры, все роды литературы тут объединились. А ведь искони наш край считали только поэтическим, другие жанры были не в почете. Теперь расцвели проза, детская литература, песенное творчество... На «Мосфильме» и «Ленфильме» снимают ленты по сценариям наших кинодраматургов. Пятьдесят дагестанцев за это время окончили Литературный институт имени А. М. Горького, некоторые даже стали лауреатами, народными поэтами...

Мечтаем мы, конечно, о большем. Вот сейчас театр поэзии задумали. Порой мы десятки тысяч рублей бросаем на ветер — сколько было у нас дорогостоящих театральных постановок, с треском провалившихся уже на премьере! А тут и затрат особых не потребуется — чтец нужен и зал. Настоящая поэзия и чуткий слушатель, без посредников. Народ пойдет, я уверен. Потому что теперь в Дагестане свой читатель вырос, понимающий, эрудированный. Недавно мы литературный альманах преобразовали в журнал на пяти языках. Тираж у него для республики довольно большой — тридцать тысяч,— так раскупают его вовсю! На праздники поэзии стекается море людей. И ведь не только в городах. В прошлом году я выступал в горном ауле Дылыме — тысячи собрались послушать стихи!

Да и в других краях тепло принимают посланцев Страны гор. Так было в прошлом году в Каракалпакии, в Волгограде. Теперь ждем к себе гостей — авторов издательства «Молодая гвардия». Такие встречи — не развлечение, не простой обмен информацией, а жизненная потребность. Мы давно поняли: национальная замкнутость страшней всего бьет по культуре; дружба же дарит силы и мудрость, вечно питает источник творчества.

Послушав меня, вы, наверное, подумаете: «Смотри-ка, как у них в Дагестане все благополучно! Никаких проблем, живи да радуйся!» Но я тогда буду чувствовать себя обманщиком. Потому что помню, что у всякой медали есть и обратная сторона. И эта обратная сторона мне хорошо известна. Я вам рассказал о том, что меня радует, чтобы и вы порадовались вместе со мной. Но нечестно будет, если я промолчу о том, что меня печалит. Мы все сейчас говорим правду, большую правду. Пусть не всегда она будет сладкой, не всегда ласкает наш слух, пусть она будет и корявой, и колючей — лишь бы была правдой. XXVII съезд партии учит нас смотреть ей в глаза, а мы пока щуримся с непривычки: не такое уж приятное у нее лицо.

Что мешает нашему творчеству? Бывает, внешние обстоятельства, бывает, и сам писатель себе первый враг.



Очень уж много развелось сейчас начальников у литературы, указывающих нам, что и как писать. Когда среди них попадаются «отдельные» люди, живущие по принципу «как бы чего не вышло», тогда начинаются телефонные звонки: «Запретить книгу», «Снять премьеру», «Положить фильм на полку». Или другая крайность: поощряют без меры, не по заслугам, а по должности в писательской организации. Народный поэт, например,— это что такое? Значит, всенародной любовью пользуется, каждый человек его знает. Таких единицы. А посчитайте, сколько у нас народных поэтов по званию? Народный поэт, книжки которого не раскупаются,— не абсурд ли это? Имена можно назвать, а произведения нет: не помним мы их, не знаем, не перечитываем.

И повелось, что многие из нашей братии — кто незаслуженно обиженный, кто незаслуженно возвышенный — стали бояться проблем, а все больше темами стали интересоваться, угодными начальству. И тем, и другим спокойней оно и проще, ночью крепко спать можно. Завелась среди писателей порода шахматистов — на несколько ходов вперед рассчитывают: что я за это буду иметь? Кому квартира нужна, кому премия. Стократ права народная поговорка: тот не храбрец, кто, вступая в бой, думает о последствиях. А уж писатель без храбрости, все предусмотревший и забывший лишь о двух вещах — о правде и о людях,— кому он нужен?

Читателю ох как надоели красивые слова, трескучие фразы! Он правды ищет, большой, а не маленькой и всем удобной. Если ее нет — пусть писатель хоть какими лаврами лауреата увенчан, хоть какие посты занимает,— людям это все равно. Их, скажем, волнуют и возмущают бесхозяйственность, стяжательство, хищения, спекуляция, другие негативные явления, о которых так откровенно говорилось на съезде,— они открывают книгу и находят в ней розовое благодушие, для виду приправленное беззубой критикой. Это камень вместо хлеба, литература для макулатуры.

«Слово дороже коня»,— говорят у нас в народе. Не о всякой литературе это сказано. Настоящая литература должна быть взрослой, сохранять свое достоинство, не ходить по канату, не жонглировать словами, не кланяться налево и направо, не заниматься чистописанием. Разве Твардовский, например, умел лавировать, разве гнался за почестями, за рекламой? Помню, каких трудов мне стоило добиться согласия на его творческий вечер в Махачкале. Не потому, что он читателя не уважал, а потому, что был строг к себе и не терпел, когда поднимали шум вокруг его имени.

На XXVII съезде то и дело звучали слова: совесть, честь, ответственность. Какие слова замечательные! Мы немного разучились их вслух повторять, считали, что эти понятия сами собой разумеются. А теперь оказалось, что само собой ничего не бывает. Для литературы, я считаю, совесть на сегодняшний день — это главный лозунг. За нее мы должны бороться, а не за премии.

У поэта и писателя три учителя совести: природа, опыт годов и гениальность веков. Он должен понимать язык звезд, язык рек, он должен пройти школу жизни и усвоить мудрость народных традиций. Сидя в кабинете или за столиком ресторана ЦДЛ, ничему путному не научишься. Оттуда не увидишь нашу Страну гор, наши аулы, наши ГЭС, наши заводы, не услышишь наши песни, не поймешь, чем живут люди. Пагубно отрываться от своих корней, еще пагубней вовсе не иметь их.

От наших писателей часто можно слышать: «Когда я был в Москве... Когда я был в Париже...», но почему-то редко: «Когда я был в ауле...» Зарубежными поездками гордятся порой больше, чем встречами с земляками. Не успел иной дагестанец опубликоваться на родном языке, а уже спешит с рукописью в центральное издательство, а кое-кто и не возвращается из путешествия, «оседает» на жительство в столице. Литератор же из аула торопится поскорей получить городскую прописку. Разве можно себе представить Стальского или Цадасу такими вот гостями на родной земле? А теперь некоторые писатели поселились — в прямом и переносном смысле — в одном доме одного города и варятся в собственном соку, думая, что это и есть весь мир.

Много развелось всезнающих литераторов, малосомневающихся. Под их самоуверенным напором трещат издательские планы, Махмуд и Капиев не знали таких тиражей, каких добиваются эти литературные скандалисты. Классика нередко дольше ждет в очереди на опубликование, чем скороспелые поделки-однодневки. А как они появляются? Без корней, без жизненного кругозора, без боли, без потрясения не будет позиции, не родится проблема. А у нас появились молодые писатели — не сыны гор, а сыны писателей, у них литературный взгляд на жизнь, а не жизненный на литературу. И получается, что нередко наша молодежь пашет уже вспаханное поле. Критика такие книги не трогает, рассуждает, наверное, так: они и так лежат на полках магазинов мертвым грузом, а лежачего не бьют. Она ведь у нас добрая, критика, почитаешь статьи — так ведь пишут наши писатели либо хорошие вещи, либо прекрасные, либо шедевры.

И на нас, старшем поколении, лежит доля вины. Когда-то дагестанский народ совершил подвиг во имя культуры — не зная письменности, сохранил в памяти наш богатейший фольклор, нашу устную поэзию. А мы, грамотные, вооруженные современной техникой, не сберегли даже немногие записи голоса Цадасы, Капиева, лишь чудом уцелели записи Сулеймана Стальского. Наш Литературный музей в Махачкале — это пока больше собрание фотографий, чем рукописей: их надо разыскивать, спасать, а кто этим будет заниматься? Мы утратили прекрасное полотно — панораму битвы при Ахульго знаменитого Рубо, допустив, чтобы другие художники разрезали его на холсты для своих картин...

Душа болит, когда думаешь об этих потерях. По мере сил мы пытаемся восстановить потерянное, сохранить то, что еще дошло до наших дней. За последнее время мы выпустили четыре тома антологии поэзии Дагестана, пословицы, поговорки, сказки. Собираемся издать лирику наших народов. Стараемся широко отмечать юбилеи своих классиков. Молодежь должна понять, каким богатством одарил нас народ, должна осознать, что прошлое обращено прямо к ней, а через нее в будущее.

Как видите, забот и тревог нам не занимать. Я не хотел рисовать ни розовую картину, ни черную. Я хотел рассказать, как есть на самом деле. То, что нас огорчает,— это естественные для всякого живого организма болезни роста. У нас есть святое чувство недовольства собой, а значит, есть силы одолеть эти болезни, есть силы расти ввысь. Мы помним слова Эффенди Капиева: «Зрелость, зрелость — и никаких скидок». Я верю в мой Дагестан, верю в мой народ, верю в нашу литературу. Как река, несет она свои воды в море великой советской литературы, но никогда не потеряется в нем, никогда не утратит своей национальной самобытности.

Не впервые звучат голоса дагестанских писателей на московской земле. Но эта встреча весной — первой весной после XXVII съезда КПСС — совсем особенная. Обновляющий дух, характер, атмосфера партийного форума — все призывает нас дальше смотреть, выше подниматься, глубже чувствовать, решительней бороться со всеми негативными сторонами жизни. И начать мы, литераторы, должны прежде всего с себя. Потому что нельзя навести порядок повсеместно, пока не навел его в собственном доме.

Записала Г. ЧЕРМЕНСКАЯ.

Фото Р. Дика.